

DOI: 10.31862/2500-2953-2018-3-15-38

Е.В. Николаева

Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова¹

В статье рассматривается переписка Л.Н. Толстого с одним из немногих постоянных его корреспондентов – известным литературным критиком, философом и публицистом Н.Н. Страховым. Переписка, длившаяся четверть века, бросает новый свет на многие стороны интеллектуальной и творческой деятельности Толстого. В настоящей статье она рассматривается как своего рода интеллектуальный эпистолярный роман.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Н.Н. Страхов, Ф.М. Достоевский, эпистолярное наследие.

DOI: 10.31862/2500-2953-2018-3-15-38

E.V. Nikolaeva

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Correspondence of L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov²

In contrast to Tolstoy's fiction, his epistolary has not been studied enough. This article deals with Lev Tolstoy's correspondence with one of his permanent correspondents – a notable literary critic, philosopher and journalist Nikolai Strakhov. An exchange of letters between them, which lasted a quarter of a century, throws new light on many aspects of Tolstoy's intellectual and creative activity.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФНФ (грант № 11-04-00191а).

² The study has been supported by the Russian Foundation for the Humanities, grant 11-04-00191a.

In this article, their correspondence is considered as an intellectual epistolary novel sui generis.

Key words: Lev Tolstoy, Nikolai Strakhov, Fedor Dostoevsky, epistolary writing

13 февраля 1906 г. Л.Н. Толстой в письме к Петру Алексеевичу Сергеенко, собиравшему письма писателя для издания, сообщил: «Недавно думал про вас и, желая помочь вашему делу, вспомнил о том, что у меня было два (кроме А.А. Толстой, это третье) лица, к которым я много писал писем, и, сколько я вспоминаю, интересных для тех, кому может быть интересна моя личность. Это: Страхов и кн. Сергей Семенович Урусов. Может быть, вы бы могли найти эти письма для своей работы» [Толстой, т. 76, с. 98].

Николая Николаевича Страхова Толстой особо выделяет среди своих корреспондентов спустя годы после окончания их эпистолярного диалога, который длился около четверти века. Неслучайно среди томов переписки, изданных усилиями Общества Толстовского Музея и вышедших вскоре после смерти писателя, один том был отдан неполно опубликованной переписке с Александрой Андреевной Толстой [Толстовский Музей, 1911], а другой был посвящен также далеко не полному изданию переписки с Н.Н. Страховым [Толстовский Музей, 1914].

Фигура Николая Николаевича Страхова, обладавшего разносторонними знаниями, выступавшего в печати и как литературный критик, и как публицист, и как философ, нуждается на современном этапе изучения литературы XIX в. в серьезнейшем внимании исследователей. Его литературно-критическое, публицистическое, философское и эпистолярное наследие требует глубокого монографического изучения не только в силу его знакомства, сотрудничества, творческих связей и переписки с выдающимися современниками, среди которых Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, И.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский и другие. Н.Н. Страхов является достаточно значительным и крупным деятелем своего времени, интеллектуалом и достойным соратником и сотрудником своих более знаменитых современников, но при этом он оказался в их тени.

Убедительным примером, отражающим такое положение вещей, является давняя значительная и не утратившая своего интереса работа Б.И. Бурсова «Личность Достоевского» [Бурсов, 1974]. Жанр своего труда автор определил как роман-исследование и построил его с опорой не только на биографические данные и творчество великого писателя, но и на широкий историко-литературный контекст. Показательно, что один из героев этого романа-исследования – Н.Н. Страхов – является по сути дела персонажем, лишь иллюстрирующим и раскрывающим

этот историко-литературный контекст. Наступило время пересмотра, переосмысления и собирания существующих сведений, знаний и представлений об этой яркой личности. Изучение наследия Н.Н. Страхова, как широко востребованного (его литературно-критические работы), так и полузабытого, а также эпистолярного наследия, как представляется, может дать наиболее объективные результаты именно в историко-культурном контексте эпохи.

Постепенно появляются публикации, так или иначе связанные с личностью и творчеством Н.Н. Страхова. Значительный вклад в разработку этой актуальной научной проблемы внесен Группой славянских исследований при университете Оттавы (Канада) в сотрудничестве с Государственным музеем Л.Н. Толстого в Москве, являющимся обладателем и хранителем рукописного наследия писателя, а также с Институтом мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. Ими подготовлен ряд изданий, среди которых «Л.Н. Толстой и С.А. Толстая. Переписка с Н.Н. Страховым» [Толстая, 2000], «И.С. Аксаков и Н.Н. Страхов. Переписка» [Аксаков, 2007], «Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Эпистолярный диалог о жизни и литературе» [Донсков, 2008] и, главное, двухтомное издание «Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки» [Переписка, 2003].

Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова занимает значительное место в эпистолярном наследии обоих корреспондентов. Толстой оставил нам несколько весьма значительных по объему эпистолярных диалогов. Прежде всего, это переписки с тремя женщинами, оказавшими на него значительное влияние и занимавшими важное место в его жизни. Хронологически первым сложился диалог в письмах с одной из его воспитательниц и дальней родственницей Татьяной Александровной Ергольской, у которой писатель во многом и учился премудростям эпистолярного этикета. Затем завязался диалог в письмах с другом, также родственницей и поистине неординарной личностью своего времени Александрой Андреевной Толстой, с которой писатель делился многими дорогими для него мыслями и творческими замыслами. Третьей по времени возникновения стала переписка с женой, Софьей Андреевной Толстой. Эпистолярному наследию Л.Н. Толстого исследователи, к сожалению, уделяли очень мало внимания, хотя наблюдения не только над содержанием, но и над формой его эпистолярия могут дать неоценимый материал для изучения русской эпистолярной культуры XIX в. в целом.

Ко времени начала переписки со Страховым Толстой совершенно свободно обращался к эпистолярной форме и в зависимости от необходимости не только на русском языке. От прежней неуверенности

и боязни неверно выразить свои мысли и чувства на бумаге не осталось и следа.

Обстоятельства жизни и творческой работы Толстого складывались таким образом, что он, постоянно живя в Ясной Поляне, находился в кругу своих родных. Это, безусловно, не могло не ощущаться яркой творческой личностью как дефицит углубленного интеллектуального общения. Об этом свидетельствуют некоторые признания писателя, часто оброненные им вскользь, но вполне осознанные.

До начала переписки и знакомства со Страховым Толстой многие из волновавших его мыслей и суждений о литературе доверял А.А. Фету. Довольно частое личное общение с Фетом – значительная страница в биографиях писателей, а их переписка – одна из важнейших в эпистолярном наследии обоих. В 1866 г., в разгар работы над «Войной и миром», Толстой благодарит Фета в письме от 7 ноября за высказанные им замечания по первой части романа-эпопеи, в частности, по поводу образа князя Андрея, объясняет исторический характер реализуемого им творческого замысла и тут же признается: «Пожалуйста, пишите мне, милый друг, все, что вы думаете обо мне, т.е. моем писании, – дурного. Мне всегда это в великую пользу, а кроме вас у меня никого нет» [Толстой, т. 61, с. 149].

Через несколько месяцев Толстой пишет, но не отправляет письмо Ю.Ф. Самарину. Учитывая напряженный характер работы писателя над романом, можно предположить особенно острый недостаток в собеседнике, равном в интеллектуальном отношении: «Юрий Федорович! Не знаю, как и отчего это сделалось, но вы мне так близки в мире нравственном – умственном, как ни один человек. Я с вами мало сблизился, мало говорил, но почему-то мне кажется, что вы тот самый человек, которого мне нужно (ежели я не ошибся, то я вам нужен), которого мне недостает – человек самобытно умный, любящий многое, но более всего – правду и ищущий ее. Я такой же человек» [Там же, с. 156–157].

Вполне возможно, что это письмо осталось неотправленным в силу того, что в нем слишком откровенно Толстой исповедует свое умственное и нравственное одиночество. Можно заметить, что состояние Толстого усугубилось по сравнению с тем же мотивом, что звучит в письме к Фету.

Несколько лет спустя, уже в письме к Страхову, Толстой расскажет о встрече на железной дороге с Ф.И. Тютчевым. В этом письме вновь прозвучит мысль о возможном интеллектуальном диалоге, но уже не будет выражено острого чувства одиночества.

На фоне остро осознанной Толстым потребности в интеллектуальном равном собеседнике и друге появляется Н.Н. Страхов, знакомство

с которым завязалось по переписке в 1870 г., а через год превратилось в регулярное личное общение и сотрудничество в нескольких творческих работах.

В воспоминаниях старших сыновей Толстого сохранились сведения об этом общении и характеристика личности Страхова, данная как бы глазами семьи Толстого, членами которой Страхов, безусловно, был уважаем. Довольно краткие, но ценные в контексте данной темы сведения содержат «Мои воспоминания» Ильи Львовича Толстого: «Все без исключения, и взрослые и дети, любили его, и я не могу себе представить случая, чтобы он был кому-нибудь неприятен. <...> Страхову принадлежат первые и лучшие критические работы по поводу “Войны и мира” и “Анны Карениной”».

Когда издавались “Азбука” и “Книги для чтения”, Страхов помогал отцу в их издании. Но не одна только критическая работа сблизила Страхова с отцом. <...> В Страхове он больше всего ценил глубокого и вдумчивого мыслителя. Даже в разговорах, когда, бывало, отец задавал ему какой-нибудь научный вопрос (Страхов был по образованию естественник), я помню, с какой необыкновенной точностью и ясностью он излагал свой ответ. Как урок хорошего учителя <...> Страхов был “настоящим другом” моего отца (как он назвал его сам), и я о нем вспоминаю с глубоким уважением и любовью» [Толстой, 1987, с. 142–144].

Глубоким уважением и дружеской привязанностью пользовался Страхов и со стороны Софьи Андреевны Толстой, которая так же, как и ее муж, состояла в переписке с ним.

Старший сын писателя, Сергей Львович Толстой, посвятил другу и корреспонденту отца специальный очерк «Николай Николаевич Страхов», который предназначался для его книги воспоминаний «Очерки былого». Там он вспоминает о первом появлении Страхова в Ясной Поляне, о его пребывании в самарском имении Толстых, о своих посещениях критика в Петербурге. Сергей Львович вспоминает и о последних годах общения писателя со своим другом и постоянным корреспондентом: «Взаимные отношения моего отца с Страховым остались дружественными до его смерти, несмотря на перелом в мировоззрении отца. В письме 18 ноября 1891 г. отец ему написал в ответ на жалобы Страхова на его одинокую жизнь: “Прощайте, милый друг; от души любя, целую вас. Не считайте себя одиноким. Вас любят, и я первый”».

Однако между ними уже не было прежнего единомыслия. После одного разговора отец так выразился о нем: “Страхов как трухлявое дерево, ткнешь палкой, думаешь, будет упорка, ан нет – она насквозь проходит, куда ни ткни, – точно в нем нет середины, – вся съедена наукой и философией”. Разумеется, это было сказано в дурную минуту, но из этих слов

видно, как различны были их характеры: Л.Н. Толстой, ищущий правду в жизни, а не в книгах, деятельный и убежденный, и Н.Н. Страхов, не деятель, а зритель в жизни, не уверенный в себе, составивший свои убеждения преимущественно из книг» [Толстой, 1984, с. 128–135].

Сергей Львович Толстой, общавшийся со Страховым не только летом в Ясной Поляне, но и в привычной для критика петербургской среде, отмечает многие черты характера, особенности суждений, жизненные привычки и вкусы, обнаруживающие в нем человека очень рационального, поглощенного своими занятиями, умеющего хорошо организовывать свой труд, но отличающегося подчас достаточно странными вкусами и суждениями.

В эпистолярном диалоге со Страховым Толстой получил, наконец, возможность общения с интеллектуально соответствующим ему и высокообразованным собеседником. Их переписку можно рассматривать как подлинно *интеллектуальный роман в письмах*. На протяжении двух с половиной десятилетий в этом романе сложилось множество сюжетных линий, которые были в равной степени интересны обоим корреспондентам.

Еще до начала переписки в семье Толстых были известны критические статьи Страхова о «Воине и мире». Вероятно, критик верно понял и оценил многое в книге Толстого, что расположило к нему автора и послужило одной из побудительных причин начала переписки, а затем и личного знакомства. Уже в первом неотправленном письме к Страхову Толстой касается одной из важнейших в ту пору для него тем, чувствуя своего рода созвучие настроений и мысли. Все дальнейшее содержание их интеллектуального эпистолярного диалога во многом будет определено теми «узлами», которые завязались в этой переписке еще в 1870-е гг.

Непростые 1870-е гг. были отмечены в жизни Толстого творческим, мировоззренческим и религиозным кризисами, работой над «Азбукой» и «Новой азбукой», в которой Н.Н. Страхов принимал самое деятельное участие, несколькими неосуществленными, но важными для писателя замыслами, а также вызреванием и формированием будущего романа «Анна Каренина». В первом письме Л.Н. Толстого к Н.Н. Страхову от 19 марта 1870 г. из Ясной Поляны речь идет о статье Страхова «Женский вопрос», написанной им по поводу книги Джона Стюарта Милля «Подчиненность женщины» [Страхов, 1870]. Статья впоследствии вошла в книгу Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе». Толстой пишет, что с большим удовольствием прочел статью и под всеми выводами полностью подписывается. В этом же письме он высказывает две важных для себя и взаимосвязанных мысли. Первая из них – та,

что «род человеческий развивается только в семье», где для каждой женщины является необозримое поле деятельности, даже если эта женщина сама одинока и лишь помощница в чужой семье. Вторая также остро волновала Толстого в связи с контекстом книги Милля по поводу существования и роли в обществе «магдалин». В связи с обсуждением этого вопроса Толстой высказывается по поводу семейных отношений: «Допустить свободную перемену жен и мужей (как этого хотят пустобрехи либералы) – это тоже не входило в цели Провидения по причинам ясным для нас – это разрушало семью» [Переписка, 2003, с. 1–2]. К этому следует добавить, что еще в декабре 1868 г. Толстой написал «Заметку о браке и призвании женщины», где также были высказаны мысли писателя о значении брака и воспитания детей.

В начале 1873 г. Л.Н. Толстой написал А.А. Толстой письмо, в котором объединены его суждения о «Войне и мире» и «Азбуке». В ответ на ее сообщение о чтении «Войны и мира» Толстой пишет: «...мне Война и мир теперь отвратительна вся. Мне на днях пришлось взглянуть в нее для решения вопроса о том, исправить ли для нового издания, и не могу вам выразить чувство раскаянья, стыда, которое я испытал, перегляывая многие места! Чувство вроде того, которое испытывает человек, видя следы оргии, в которой он участвовал. – Одно утешает меня, что я увлеклся этой оргией от всей души, думал, что кроме этого нет ничего.

Азбуку мою, пожалуй, не смотрите. Вы не учили маленьких детей, вы далеко стоите от народа и ничего не увидите в ней. Я же положил на нее труда и любви больше, чем на все, что я делал, и знаю, что это одно дело моей жизни важное. Ее оценят лет через 10 те дети, которые по ней выучатся» [Толстой, т. 62, с. 8–9].

Признавая «Азбуку» единственно важным делом своей жизни, писатель, в сущности, выявляет ее узловое значение по отношению ко всему периоду творческой жизни конца 1860-х – 1870-х гг. Неудовлетворенность «Войной и миром» – лишь одна из нитей, сплетающихся в этот узел. Эта неудовлетворенность приведет Толстого к поискам и творческому кризису, выход из которого будет найден во многом благодаря работе над «Азбукой» и языком детских рассказов, недаром он отмечал: «Если будет какое-нибудь достоинство в статьях азбуки, то оно будет заключаться в простоте и ясности рисунка и штриха, т.е. языка» [Там же, т. 61, с. 274].

Более всего содержание и результаты творческого кризиса Толстого отразились в переписке с Н.Н. Страховым. В этих письмах замечания о текущих делах по подготовке «Азбуки» перемежаются с суждениями писателя о состоянии современной литературы и оценкой своей

работы. 3 марта 1872 г. Толстой пишет знаменитое и часто цитируемое письмо, из которого здесь приведена оценка языка «Азбуки» и которое продолжено размышлениями о связи творчества с народной основой: «Заметили ли вы в наше время в мире русской поэзии связь между двумя явлениями, находящимися между собой в обратном отношении: упадок поэтического творчества всякого рода – музыки, живописи, поэзии, и стремление к изучению русской народной поэзии всякого рода – музыки, живописи /и украшения, / и поэзии. Мне кажется, что это даже не упадок, а смерть с залогом возрождения в народности. Последняя волна поэтическая – парабола была при Пушкине на высшей точке, потом Лермонтов, Гоголь, мы грешные, и ушла под землю. Другая линия пошла в изучение народа и выплывает, Бог даст, а Пушкинский период умер совсем, сошел на нет. – <...>

Вы поймете, вероятно, что я хочу сказать. –

Счастливы те, кто будут участвовать в выплывании. Я надеюсь» [Толстой, т. 61, с. 274–275].

Именно со Страховым писатель откровенно делится своими размышлениями, надеясь на полное взаимопонимание. В ответном письме Страхов дважды заговаривает о своем «предчувствии», «что дело идет о слиянии с народной поэзией», но оставляет эту тему, описывая непосредственные обстоятельства своей совместной работы с Толстым [Переписка, 2003, с. 22]. Толстой же в следующем письме от 22–25 марта 1872 г. разъясняет свои позиции: «Правда, что ни одному французу, немцу, англичанину не придет в голову, если он не сумашедший (написание Толстого. – *Е.Н.*), остановиться на моем месте и задуматься о том – не ложные ли приемы, не ложный ли язык тот, которым мы пишем и я писал; а русский, если он не безумный, должен задуматься и спросить себя: продолжать ли писать, поскорее свои драгоценные мысли стенографировать, или вспомнить, что и *Бедная Лиза* читалась с увлечением кем-то и хвалилась, и поискать других приемов и языка. И не потому, что так рассудил, а потому что противен этот наш теперешний язык и приемы, а к другому языку и приемам (он же и случился народный) *влекут мечты невольные*» [Толстой, т. 61, с. 277]. «Бедная Лиза» Карамзина, по словам Толстого, «выжимала слезы, и ее хвалили, а ведь никто никогда уже не прочтет, а песни, сказки, былины – все простое будут читать, пока будет русский язык» [Там же, с. 278].

Подбирая материал для «Азбуки», писатель много внимания уделял устному народному творчеству, памятникам древнерусской литературы, что укрепляло его в поисках того языка, «которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт... Язык этот, кроме того – и это главное – есть лучший

поэтический регулятор» [Толстой, т. 61, с. 278]. Отстаивая направление своих поисков, писатель отрицает не только «Войну и мир», «Бедную Лизу», но пишет, что он «изменил приемы своего писания и язык, но, повторяю, не потому, что рассудил, что так надобно. А потому, что даже Пушкин мне смешон, не говоря уж о наших элукубрациях, а язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, – мне мил. Язык этот, кроме того – и это главное – есть лучший поэтический регулятор. Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное – язык не позволит, а наш литературный язык без костей; так набалован, что хочешь мели – все похоже на литературу [Там же, с. 277–278].

В процитированных корреспонденциях Толстого особое внимание обращено на устное народное творчество, в том числе на былины, в которых в то время он черпал творческое вдохновение не только в связи с работой над «Азбукой», но и в связи с замыслом создания романа о русских богатырях. Совместная со Страховым работа над «Азбукой» – отдельная и специальная тема исследования.

Обдумывая после окончания «Войны и мира» темы возможных будущих творческих работ, которые способны были бы по-настоящему увлечь, Толстой обращается к героям и материалу былин. В отличие от намерения написать роман о декабристах или об эпохе Петра, от этого замысла не осталось ни множества вариантов начала, ни сколько-нибудь проработанного материала в записных книжках, ни ясных записей в дневнике, позволяющих судить об основной идее произведения или о его основных сюжетных линиях. Следом толстовского замысла остался лишь своеобразный план, в котором для памяти писатель отмечает одним-двумя словами не сюжетную линию, а лишь намек на нее, отсылающий к текстам былин или собственным добавлениям. Весь план разбит на части, озаглавленные именами былинных богатырей. Этот план при публикации в Юбилейном собрании сочинений писателя получил условное название «Заметки к роману о русских богатырях» [Там же, т. 90, с. 109–110].

Герои предполагаемого романа представлялись Толстому людьми современными, но носителями характеров былинных богатырей. И только тогда, когда явственным для писателя стал образ героини будущего романа, все мужские типы, ранее представлявшиеся Толстому в связи с неосуществленным замыслом, легко сгруппировались вокруг нее. Так же, как в роман вошла тема положения женщины в обществе, семейных отношений. Все это органически преобразуется в содержании и проблематике романа «Анна Каренина».

Характер переписки Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова на рубеже 1870–1880-х гг. свидетельствует о доверительности и искренности

отношений и, следовательно, общего тона писем обоих корреспондентов. Пережив творческий, мировоззренческий, возрастной и религиозный кризисы на протяжении 1870-х гг., Толстой готовился, если можно так определить, к новому вступлению в литературу, с новых мировоззренческих и религиозных позиций.

На лето 1879 г. Толстой задумывал две поездки: в Соловецкий монастырь и в Киев. В письме от 1–2 мая 1879 г. Толстой, извиняясь за возможную некорректность в предыдущем письме, в котором он «не звал» своего корреспондента на лето в Ясную Поляну, сообщает Страхову: «Подразумевал же я то, что в моей к вам дружбе вы не можете сомневаться, а что я, собираясь работать летом, именно вас-то и боюсь. Боюсь, потому что работа моя состоит в том, чтобы высказать свои мысли, заставив их полюбить, всем; когда же я с вами, я знаю, что вы любите мои мысли и высказывать мне их легко кое-как, намеком, и я порчу свою работу. А удержаться не могу, потому что мне ваше сочувствие очень дорого» [Переписка, 2003, с. 514]. Думается, что это письмо во многих отношениях может быть оценено как этапное. Начиная с этого письма, Толстой будет по-прежнему много писать Страхову по поводу своей творческой работы, в том числе о религиозных и философских сочинениях, над которыми он работал в 1880-е гг. Однако писатель скупее будет в выражении своих мыслей и чувств. Вероятно, он особенно дорожил мыслями, перекликающимися с заключенными в его религиозно-философских сочинениях.

Совершенно иную картину представляют собой письма Страхова с точки зрения выраженных в них чувств, мыслей и настроений самого задушевного толка. Страхов продолжает делиться со своим корреспондентом в том числе и размышлениями о духовной стороне своей жизни. В конце декабря того же 1879 г. Страхов гостит в Ясной Поляне, а уже в первом в 1880 г. письме (от 8 января) он фактически исповедуется Толстому, видимо продолжая личные беседы, состоявшиеся при встрече и разделяя высказанные в этих беседах мысли писателя: «Скажу Вам откровенно, что меня прежде смущало и отчего для меня так нова Ваша теперешняя мысль. Мне всегда казалось непонятным и диким *личное бессмертие* в той форме, в которой его обыкновенно представляют; точно также мне был всегда противен *мистический восторг*, до которого старались доходить большинство религиозных людей, говоривших почти так, как Вы. Но Вы избежали и того, и другого; как ни горячи движения Вашей души, но Вы ищите спасения не в самозабвении и замирании, а в ясном и живом сознании» [Там же, с. 552]. В тоне и содержании этого письма видны и преклонение Страхова перед личностью Толстого, и полная доверительность их общения.

В письме упомянуты слишком важные для религиозного человека темы разговоров: о бессмертии души и о мистическом восторге религиозных людей. Для Толстого вопрос о бессмертии души стоял как актуальный еще во время смерти старшего брата Николая. В дневнике и письмах 1860 г. и ближайших лет сначала ставится вопрос о Боге и о невозможности принять мысль о том, что после смерти ничего не остается от Николая. Для Страхова «спастись» было совершенно конкретным понятием: в контексте этого письма он намеревается «спастись» на пути, предлагаемом Толстым.

С уверенностью можно утверждать, что *эпистолярный роман «Толстой – Страхов» из романа интеллектуального в начале 1880-х гг. превращается также и в психологический*. Однако психологическая составляющая содержания этого романа представляется своеобразной и достаточно односторонней: как уже было сказано, наиболее открытым в высказывании своих мыслей и выражении своих настроений остается Страхов, хотя Толстой продолжает делиться со своим другом и корреспондентом дорогиными ему мыслями.

Исповедальное содержание в письмах обоих корреспондентов – одна из сюжетных линий этого интеллектуально-психологического романа в письмах.

Вторая сюжетная линия эпистолярного романа – как всегда, как сложилось это с самого начала переписки, освещение творческой работы, текущих творческих планов, их постепенного осуществления, переживание и осмысление критических отзывов на эти работы.

Третьей сюжетной линией, отчетливо просматривающейся в переписке Страхова с Толстым, является постоянно присутствующее в их взаимоотношениях сотрудничество: от Толстого с завидной регулярностью и постоянством отсылаются письма с поручениями о приискании и присылке необходимых писателю для работ книг. Надо отметить, что Страхов практически всегда четко и быстро выполняет эти поручения, понимая степень важности творческой работы и интеллектуального поиска Толстого.

Другими сюжетными линиями романа являются также постоянно присутствующие темы: Н.Я. Данилевский, его личность и творческое наследие; В.С. Соловьёв и философские вопросы, обсуждаемые в переписке, что может и должно явиться темой самостоятельного и отдельного исследования.

Особые сюжетные линии этого интеллектуально-психологического романа – личность и произведения Ф.М. Достоевского и заметно изменяющиеся на протяжении 1880-х гг. отношения между Толстым и Страховым, отразившиеся в содержании и характере их писем.

С конца 1880 г. становится заметной некоторая психологическая неуверенность Страхова, сказывающаяся в некоторых письмах и не всегда заметная при первом прочтении или теряющаяся среди вполне серьезных проблем, обсуждаемых в письмах.

Во второй половине 1880 г. Страхов начинает письмо так: «Ваше письмо, бесценный Лев Николаевич, сделало меня счастливым на несколько дней. По своему малодушию я все боялся, что уж наскучил Вам, или что Вы недовольны. Стасов прибежал с писком и радостью.

– Я получил письмо от Толстого!

«И я получил!»

– Ну, давайте мне свое, а я Вам дам свое.

И мы принялись читать. А до тех пор, бывало, каждый раз как встретимся, спрашиваем: Ничего нет? – Ничего? – и разоидемся.

И как Вы милы! О деньгах ничего не пишете, а написали то, что *мне* приятно и полезно.

И приятно и полезно мне напоминание об моей статье. Полезно и очень важно предостережение *от суевы мысли*» [Переписка, 2003, с. 584].

В ответ – письмо-записка от Толстого в несколько строк и именно о деньгах. На этом этапе в переписке становится заметна некоторая перемена в тоне писем. Толстой постепенно, а во второй половине 1880-х гг. это становится особенно заметно, отвечает благосклонно и заинтересованно, но пишет много короче, чем раньше, значительно реже и, в основном, в письмах содержатся различного рода поручения к Страхову.

В письмах Страхова к Толстому также постепенно, но все чаще и настойчивее появляются упоминания о посещениях Кузминских. В тоне и самом факте постоянных упоминаний о ближайших родственниках писателя, возможно, для Страхова слышался некий «отзвук» жизни в Ясной Поляне.

Неоднократно письма к Страхову от Толстого представляли собой на самом деле письмо, написанное Софьей Андреевной, в котором сообщались необходимые сведения, а Толстой делал лишь небольшую приписку. Надо отметить, что Софья Андреевна всегда была неизменно внимательна и ласкова к Страхову, особенно ценя его помощь.

В начале июля 1885 г. Страхов пишет Толстому после подробного отчета по поручениям последнего: «Простите меня, дорогой Лев Николаевич! Мне чего-то недостает после нынешнего проживания в Ясной Поляне. Я очень радовался, видя, как живо идет Ваша деятельность; но не послало мне небо ни одного задушевного разговора, после которого прибывает у меня сил. Сам виноват; для таких минут нужно быть более добрым и менее тупым, чем я теперь. Итак, простите меня; не забывайте только неизменной любви Вашего Н. Страхова» [Там же, с. 686–687].

Незадолго до высказанного здесь Страховым сожаления в тоне писем Толстого чувствуется небольшое охлаждение к Страхову: он все более и более из корреспондента, с которым делятся самыми сокровенными мыслями, превращается в неизменно аккуратного и распорядительного исполнителя поручений писателя. Надо также заметить, что с 1883 г. в окружении Л.Н. Толстого появляется В.Г. Чертков, который вскоре займет самое близкое к писателю место.

Едва ли заметное самому Толстому охлаждение в отношении к своему корреспонденту, сказавшееся в тоне и содержании его писем, не остается незамеченным Страховым. Характер его приписок, отражающих развитие «психологического сюжета» этого романа в письмах, становится все более очевидным.

Одна из самых психологически напряженных сюжетных линий в переписке 1880-х гг. связана с Ф.М. Достоевским. Оставляя за пределами рассмотрения весь объем фактов, связанных с взаимным интересом Толстого и Достоевского друг к другу, укажем лишь на факт несостоявшегося знакомства писателей в 1878 г., в чем, как известно, решающую роль сыграл Страхов, знавший о их желании познакомиться и не представивший их друг другу. В это время Страхов не только сотрудник и корреспондент обоих писателей, но и человек, который с полным правом может называть себя другом Толстого, как тот сам его аттестует в письмах. Рискнем предположить, что, знакомя двух гениев, Н.Н. Страхов рисковал остаться «третьим лишним», человеком, всего лишь исполняющим поручения по подысканию нужной литературы, но никак не тем корреспондентом, с которым Толстой стал бы делиться слишком глубоко волнующими его мыслями.

В пределах 1880-х гг. сюжет «Толстой – Страхов – Достоевский» в рамках интеллектуально-психологического эпистолярного романа развивался следующим образом. Осенью 1880 г. Страхов дает прочитать Достоевскому письмо Толстого с отзывом о его произведении, в котором писатель сообщал: «На днях нездоровилось, и я читал Мертвый дом. Я много забыл, перечитал и не знаю лучше книги изо всей новой литературы, включая Пушкина» (письмо от 25–26 сентября) [Переписка, 2003, с. 578]. Учитывая образ мыслей и настроения Толстого начала 1880-х гг., можно понять, почему даже произведения Пушкина кажутся ему уступающими правде «Записок из Мертвого дома». Уже 2 ноября того же года Страхов рассказывает о реакции Достоевского на отзыв Толстого: «Видел я Достоевского и передал ему Вашу похвалу и любовь. Он очень был обрадован, и я должен был оставить ему листок из Вашего письма, заключающий такие дорогие слова. Немножко его задело Ваше непочтение к Пушкину, которое тут выражено (“лучше

всей нашей литературы, включая Пушкина”). “Как, – *включая?*” спросил он. Я сказал, что Вы и прежде были, а теперь особенно стали большим вольнодумцем» [Переписка, 2003, с. 579].

В начале 1881 г. умирает Ф.М. Достоевский, о чем Страхов сообщает в письме к Толстому от 3 февраля (писатель скончался 28 января), передавая свое первое, непосредственное впечатление от его смерти: «Чувство ужасной пустоты, бесценный Лев Николаевич, не оставляет меня с той минуты, когда я узнал о смерти Достоевского. Как будто провалилось пол-Петербурга, или вымерло пол-литературы. Хоть мы не ладили все последнее время, но тут я почувствовал, какое значение он для меня имел: мне хотелось быть перед ним и умным, и хорошим, и то глубокое уважение, которое мы друг к другу чувствовали, несмотря на глупые размолвки, было для меня, как я вижу, бесконечно дорого. Ах, как грустно! Не хочется ничего делать, и могила, в которую придется лечь, кажется, вдруг близко подступила и ждет. Все суета, все суета!

В одно из последних свиданий я высказал ему, что очень удивляюсь и радуюсь его деятельности. В самом деле, он один равнялся (по влиянию на читателей) нескольким журналам. Он стоял особняком, среди литературы почти сплошь враждебной, и смело говорил о том, что давно было признано *за соблазн и безумие*. Зрелище было такое, что я изумлялся, несмотря на все свое охлаждение к литературе» [Там же, с. 591].

В этом непосредственном отклике кроме трудно переживаемого чувства внезапной потери близкого человека проскальзывают весьма важные в контексте избранной темы исследования детали: во-первых, это признание в том, что личность и деятельность Достоевского Страхова удивляла, во-вторых, он открыто признается в том, что ему всегда хотелось казаться в глазах Достоевского умным и хорошим. Как окажется немного позднее, Страхов, близко знавший Достоевского и сотрудничавший с ним, вряд ли из-за близости расстояния вполне отдавал себе отчет в гениальности последнего. В человеке неординарном, довольно тяжелом и непредсказуемом в ежедневном бытовом поведении, Страхову, вероятно, трудно было увидеть и признать безусловно гениальное явление. В продолжении своего письма он рассказывает Толстому о похоронах писателя и реакции почитателей его таланта, которые не проявили никакой фальши («почти ничего не было напускного, заказного, формального») [Там же]. В конце этого же письма, как бы в подтверждение высказанной здесь мысли, он сообщает о трудной для него необходимости выступить по поводу смерти Достоевского в Славянском комитете, просит позволения сослаться на упомянутое письмо Толстого и признается, что перечитывает «Записки из Мертвого дома», в которых теперь его удивляют простота и искренность, не оцененные

им прежде. Это грустное письмо заканчивается болезненно-душевным восклицанием: «Простите, дорогой Лев Николаевич; не забывайте, не покидайте меня» [Переписка, 2003, с. 592].

Ответ Толстого, написанный практически сразу по получении письма Страхова (3 февраля Страхов датирует свое письмо из Петербурга, а 5–7 февраля датировано письмо Толстого), так же непосредственно в выражении чувства и в оценке Достоевского: «Получил сейчас ваше письмо, дорогой Николай Николаевич, и спешу вам ответить.

Разумеется, ссылайтесь на мое письмо.

Как бы я желал уметь сказать все, что я чувствую о Достоевском. Вы, описывая свое чувство, выразили часть моего. Я никогда не видал этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек. Я был литератор и литераторы все тщеславны завистливы, я, по крайней мере, такой литератор. И никогда мне в голову не приходило меряться с ним – никогда. Все, что он делал (хорошее, настоящее, что он делал), было такое, что чем больше он сделает, тем мне лучше. Искусство вызывает во мне зависть, ум тоже, но дело сердца только радость. – Я его так и считал своим другом, и иначе не думал, как то, что мы увидимся и что теперь только не пришлось, но что это мое. И вдруг за обедом – я один обедал, опоздал – читаю умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу.

На днях, до его смерти, я прочел Униженные и оскорбленные и умилялся» [Там же, с. 593].

Страхов, судя по этому письму Толстого, очень чутко уловил невозможность для себя знакомства двух писателей, один из которых был для него «бесценный Лев Николаевич», а перед другим ему всегда хотелось выглядеть лучше.

После смерти Достоевского начинается работа Страхова над его биографией, об этой работе он впервые сообщает в июле 1881 г. На протяжении весны 1881 г. Достоевский так или иначе упоминается в переписке. Страхов начинает печатать в «Руси» «Письма о нигилизме», которые вызвали разнообразные отклики. В этой ситуации он остро чувствует нехватку Достоевского: «Как живо мне вспомнился при этом Достоевский! Он был мой усерднейший читатель, очень тонко все понимал и не прочитал только *Писем о спиритизме*, потому что был в этом вопросе так раздражен, что не в силах был читать» [Там же, с. 603].

Упоминания о работе над биографией Достоевского встречаются в письмах Страхова от 22 июля 1881 г., от 6 июля 1883 г. Эти два года резко изменили настроение Страхова по отношению к работе:

«Я бы и сейчас перенесся к Вам, если бы послушался своего желания, но мне совестно бросить работу, которая идет плохо, но подвигается вперед порядочно» [Переписка, 2003, с. 644].

16 августа 1883 г. – новый поворот в отношении к работе и к самому Достоевскому: «Опять я оторвался от письма к Вам, но зато почти кончил свою “биографию”. Не ожидал я, что это так меня увлечет, и если первая половина будет скучна, то вторая, вероятно, прочтется с интересом. Какое странное явление этот человек! И отталкивающее, и привлекательное» [Там же, с. 647].

В сентябре от Страхова приходит сообщение, что началось печатание его воспоминаний о Достоевском, но работа еще продолжается, а уже в ноябре 1883 г. в переписке складывается поистине неординарная ситуация. 28 ноября Страхов отправляет Толстому большое письмо из Петербурга, которое называет «небольшим» и в котором сообщает о том, что у него для этого небольшого письма есть «богатейшая» тема: «Вы, верно, уже получили теперь *Биографию* Достоевского – прошу Вашего внимания и снисхождения – скажите, как Вы ее находите. И по этому случаю хочу исповедаться перед Вами. Все время писания я был в борьбе, я боролся с подымавшимся во мне отвращением, старался подавить в себе это дурное чувство. Пособите мне найти из него выход. Я не могу считать Достоевского ни хорошим, ни счастливым человеком (что, в сущности, совпадает). Он был зол, завистлив, развратен, и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким, и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен. Сам же он, как Руссо, считал себя лучшим из людей, и самым счастливым» [Там же, с. 652]. Останавливая здесь цитирование письма, примем во внимание, что именно это письмо стало актом настоящего отречения Страхова от Достоевского, практически полного уничтожения его личности, хотя и при оговорках в пользу ума.

Изменяя своему обыкновению писать небольшие письма Страхову, Толстой отвечает на это письмо довольно большим посланием практически так же быстро, как реагировал на известие о смерти Достоевского (письмо от 6 декабря из Москвы). Не укоряя Страхова, как будто не было в его письме резких слов о Достоевском, Толстой обнаруживает не только полное понимание личности своего современника (гораздо более глубокое, нежели Страхов, знавший его лично), но и подчеркивает свое внутреннее родство с ним: «Книгу Вашу прочел. Письмо ваше очень грустно подействовало на меня, разочаровало меня. Но вас я вполне понимаю и, к сожалению, почти верю вам. Мне кажется, вы были жертвой ложного, фальшивого отношения к Достоевскому – не вами, но всеми преувеличения его значения и преувеличения по шаблону,

возведения в пророка, святого – человека, умершего в самом горячем процессе внутренней борьбы добра и зла. Он трогателен, интересен, но поставить на памятник в поучение потомству нельзя человека, который весь борьба. Из книги вашей я в первый раз узнал всю меру его ума. Чрезвычайно умен и настоящий» [Переписка, 2003, с. 655].

В письме от 12 декабря Страхов пытается смягчить впечатление от своей исповеди: «В своих *Воспоминаниях* я все налегал на литературную сторону дела, хотел написать страничку из *Истории литературы*; но не мог вполне победить своего равнодушия. Лично о Достоевском я старался только выставить его достоинства; но качеств, которых у него не было, я ему не приписывал. Мой рассказ о литературных делах, вероятно, мало Вас занял. Сказать ли, однако, прямо? И Ваше определение Достоевского, хотя многое мне прояснило, все-таки мягко для него. Как может совершиться в человеке переворот, когда ничто не может проникнуть в его душу дальше известной черты? Говорю – ничто – в точном смысле этого слова; так мне представляется эта душа. О, мы несчастные и жалкие создания! И одно спасение – отречься от своей души» [Там же, с. 660].

Думается, что Толстой смог тонко понять Достоевского. Вплоть до последнего дня своей жизни в Ясной Поляне он перечитывал его произведения, чувствуя не только созвучие своим мыслям, но и понимая, насколько Достоевский угадывал и прозревал душевные борения такого типа личности, как сам Толстой, недаром в свое время Достоевский увидел за образом Левина в «Анне Карениной» самого автора.

В письме Л.Н. Толстого к Н.Н. Страхову от 19 мая 1887 г. выражена подлинная суть и содержание этого эпистолярного романа за 1880-е гг.: «Ваши книги и мысли, выраженные в них, много мне помогли в уяснении тех вопросов, которыми я занят теперь. Надеюсь, что я их не извергаю сырыми, а ассимилировал, и что вы мне скажете: на здоровье.

Ваш друг Лев Толстой» [Там же, с. 740].

Можно с полной уверенностью утверждать, что в эти годы со стороны Толстого эпистолярный роман продолжает формироваться прежде всего как интеллектуальный, тогда как характер интеллектуально-психологического ему придает содержание писем Страхова, в том числе обсуждение личности и произведений Ф.М. Достоевского.

1890-е гг. были последними в истории эпистолярного общения Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова: переписка завершается в связи со смертью последнего. Открывается же она письмом Н.Н. Страхова от 24 апреля 1890 г. В этом письме – тянущаяся из прошлых лет щемящая нота уловленной Страховым отчужденности от Толстого: «Вы знаете, конечно, что ничье внимание, ничей отзыв мне так не дороги, как Ваши,

хотя чувствую, что полной похвалы я уже не могу заслужить от Вас» [Переписка, 2003, с. 813].

В этом большом по объему письме подняты еще две очень важные в общении друзей темы: знакомство Страхова с А.А. Толстой и вставший при этом вопрос о вере: «Кстати – наконец я познакомился с Александрой Андреевной Толстой; она встретила меня у Кузминских, позвала к себе, и дважды я по часу и больше сидел у нее. Она все нападает на Вас, а я защищаю Вас. По случаю *Афона* она сказала: “ну, я прочла и вижу, что Вы верующий...”. Я стал отрекаться и указывал на то, что в моем рассказе этого нет. Она очень добра и очень чиста. Какая прямота и искренность! А все-таки нет у нее настоящего дела и она волнуется и хлопочет, чтобы наполнить жизнь» [Там же]. Тема веры, духовного состояния, ожидания приближающегося конца жизни изредка, но последовательно просматривается в письмах Н.Н. Страхова.

Вторая тема письма – творчество Толстого после перелома – одна из основных сюжетных линий этого эпистолярного романа. В данном случае это «Крейцера соната», которую Страхов анализировал, как следует из письма, поэтапно, осваивая и оценивая достаточно корректно и содержание, и художественную манеру Толстого. «С *Крейцеровою сонатою* – в литературном отношении я совершенно помирился, видя, как действует Ваша повесть. Конечно, Вы знаете, что целую зиму только об ней и говорили и что вместо *как Ваше здоровье?* обыкновенно спрашивали: *читали ли Вы Крейцерову сонату?* Цензура очень Вам услужила, задержавши печатание, и Соната известна теперь и тем, кто не читал *Ивана Ильича* и *Чем люди живы*, – или читал, да ровно ничего не вынес. А *Соната* написана так, что всех задела. Самых бестолковых, которые приходили бы только в глупый сладкий восторг, если бы она была написана полною художественною манерою. Как естественно, что Вы торопились высказать нравоучение! Эта искренность и естественность подействовали сильнее всякого художества. Вы в своем роде единственный писатель: владеть художеством в такой превосходной степени и не довольствоваться им, а выходить прямо в прозу, в голое рассуждение – это только Вы умеете и можете. Читатель при этом чувствует, что Вы пишете от сердца, и впечатление выходит неотразимое» [Переписка, 2003, с. 814].

Тема творческой работы Толстого, художественной, продолжена в письме Страхова от 8 мая 1892 г. по поводу его печатной полемики с Владимиром Соловьёвым, в котором предметом обсуждения явилась и драма Толстого «Власть тьмы». В письме, объясняя свою позицию, Страхов дает оценку драме: «Когда я вздумал сослаться на простой народ, то стал в уме перебирать Ваши сочинения и вспомнил Митрича.

Перечитывая сцену, я не мог надивиться глубине ее смысла и с восторгом дочитал драму до конца. Ах, нужно бы об Вас писать, часто писать, и вот я не умею и не нахожу времени. Даст Бог, однако, что-нибудь да напишу.

Митрич не понравился Владимиру Соловьёву. В *Русском Обозрении* он напечатал против меня *Отрицательный идеал нравственности*, где много ехидства и очень мало толку» [Переписка, 2003, с. 903].

В оценках художественного творчества Страхов явно выделяет и подчеркивает в эти последние годы жизни его нравственное содержание. В этом аспекте важна оценка Страховым произведений Мопассана, некоторые из которых, как известно, Толстой высоко ценил, а обобщенный вывод Страхова был более суров: «Как Вы сказали, что не верите его описанию простонародья, так, я думаю, нельзя верить, что все отношения мужчин и женщин у французов сводятся к описаниям Мопассана. Он описывает сладострастие и распутство, и описывает превосходно, к несчастью; но любви у него нет. Простите меня, но читая много и подряд, я начинаю чувствовать и скуку и отвращение» (Письмо от 14 октября 1894 г.) [Там же, с. 966].

В русле обсуждения вопросов художественного творчества очень важно выделить сделанное Толстым признание в своих сомнениях относительно способностей к «художественному». Это признание (в письме от 27–28 января 1895 г.) писатель сделал по поводу рассказа «Хозяин и работник»: «Если вы будете добры просмотреть еще разик и поправить, что там неладно, то я очень буду благодарен. Мне не нравится этот рассказ. И в вашем отзыве я слышу неодобрение. Пожалуйста, напишите порезче всё, что вы скажете об этом рассказе, говоря не со мною. Мне интересно знать: ослабела ли моя способность. Или нет. И если да, то это меня так же мало огорчит и удивит, как и то, что я не могу бегать так же, как 40 лет тому назад» [Там же, с. 978].

В ответном письме Страхов дает свой анализ рассказа, откровенно выделяя и то, что приводит его в восторг, и то, что представляется недочетами. Это письмо – образец поистине дружеского соучастия в творческой жизни своего корреспондента: «Пишу и думаю: верно я чего-нибудь не понял, не додумался. Тайна смерти – вот что у Вас бесподобно. До сих пор я, впрочем, не встречал читателей, которые умели бы это вполне ценить. Душевное смягчение и его смысл – только у Вас это можно найти. А сны! Удивительно! <...>

“Ослабела ли Ваша способность?” Не ослабела, а в каждой строчке показывает полное мастерство. Странная мысль Вам пришла в голову! Верность и чистота каждой черты – изумительная!» [Там же, с. 979].

Представляется, что это письмо потому так живо по тону, что Толстой обращается со своими сомнениями к Страхову не только как к сотруднику, помогающему в работе, но как к давнему и задушевному другу.

В последний год жизни Страхов объехал дорогие для него места, повидал близких ему людей. Будучи в родном Белгороде, Страхов делает Толстому признание в письме от 22 августа 1895 г.: «Смерть уже подходит близко, и потому невольно я вглядываюсь в новую жизнь, которая пробивается со всех сторон» [Переписка, 2003, с. 1014].

В том же письме далее он переходит к роману «Воскресение». Восхищаясь героиней романа, живостью ее образа, сценой суда, Страхов не совсем удовлетворен образом Нехлюдова: «А всего менее ясно то, что всего труднее и всего важнее – Ваш герой. В нем ведь должно совершиться возрождение, и картина этого возрождения должна действовать всего сильнее. Предмет самый любопытный. В том или другом виде это будет история Черткова, и если бы уловили эту фигуру и ее внутреннюю жизнь – дело было бы удивительное. Но пока – лицо героя остается бледным и совершенно общим» [Там же].

Завершает эту тему письмо от 9 октября 1895 г.: «Но, не бросайте *Воскресения!* Напишите его так, чтобы это было действительно *воскресение из мертвых*. Как много я думал об этом удивительном перевороте, и с какой жадностью я стал бы читать эту книгу!

Мне думалось, что успех *Хозяина и работника* разогреет Вас на это писанье. Ведь читали все и скольким слова Ваши запали в душу!» [Переписка, 2003, с. 1021].

Кроме обсуждения художественного творчества Толстого, в переписке 1890-х гг. необходимо выделить две, как представляется, духовно и психологически важные для Страхова темы.

Первая поднята в сообщении о знакомстве Страхова с А.А. Толстой: вопрос о вере. Он продолжен письмом Страхова от 29 октября 1894 г., в котором он рассказывает своему другу о религиозных настроениях своего отрочества и юности. Страхов прямо признается в своей внутренней борьбе, сомнениях и колебаниях. Затем он продолжает неполным согласием с религиозной позицией Толстого, выделяя ее самую слабую сторону – «отречение от жизни; а от жизни люди отказаться не могут. Жизнь требует спокойных, твердых форм, требует простора для желаний, требует труда и отдыха, забавы и восторга... да вы все это отлично знаете. Все это сказано в Ваших сочинениях. Жизнь избегает усилий сознания и напряжения воли. Между тем Вы с Вашею вечно горящею душою предлагаете людям также вечно усиливаться и напрягаться. Они не могут делать того, что Вы делаете» [Там же, с. 969–970].

Вторая из этих тем – психологическое состояние Страхова ввиду приближающегося конца. Постепенно, но последовательно увеличивается в письмах доля исповедальных признаний и самооценок. Это письма от 24 августа 1892 г., 1/13 августа 1893 г., 3/15 августа 1893 г. и, наконец, от 2 мая 1895 г.: «Да, я свой грех знаю, и думаю о нем каждый день. Словами я выражаю это так: нужно обратиться к Богу. И вот, хочу исповедаться перед Вами: мне становится страшно от этой мысли; я чувствую себя таким ничтожным, слабым, порочным, я начинаю ставить для обращения к Богу такие высокие требования, желать в себе такой глубокой перемены, что теряю всякую решимость, не могу приступить к делу. Так со мною было всегда, всю жизнь. Я не женился и не собирался жениться только потому, что дело мне казалось сложным, трудным, ответственным. Я всегда очень боялся вмешательства в чужую жизнь со своей стороны, и старался не брать на себя никаких обязательств, пугаясь того, что не могу выполнить их как следует. Боже мой! Какая уродливость, какая безжизненность! Вероятно, отец родил меня в минуту несчастного раздумья. Все мне представляется в отвлеченном виде, и потому сложным и трудным; чувство никогда не бывает настолько живо, чтобы увлечь меня и порвать сеть мыслей. Я только избегаю дурного и только желаю хорошего, но делать хорошее не делаю по слабости стремления. Сознание этого мучит меня, и тогда я только говорю: прости меня, Боже, прости меня» [Переписка, 2003, с. 994].

Следует также отметить, что на протяжении последних лет переписки продолжается обсуждение не только творческой работы Толстого, но и трудов Страхова, потому в письмах появляются сведения о предпринимаемых работах, постоянно возникают имена Н.Я. Данилевского, Вл.С. Соловьёва, Ф.М. Достоевского, А.А. Фета, К. Леонтьева, В. Розанова. Анализ этих тем, «пронизывающих» переписку на протяжении многих лет, как было отмечено, является задачей особого и отдельного исследования.

24 января 1896 г. Н.Н. Страхова не стало – завершился один из самых насыщенных содержанием и мыслью интеллектуально-психологических эпистолярных романов в истории русской культуры. Н.Н. Страхова вспоминали все обитатели Ясной Поляны спустя годы после его смерти по самым разным поводам. Неоднократно имя Страхова всплывало в разговорах в связи с Достоевским. В семье Толстых не было забыто письмо Страхова, присланное писателю после смерти Достоевского и содержащее его осуждение. Спустя много лет, в июле 1908 г. Д.П. Маковицкий в своих ежедневных записях передает разговор, возникший в связи с появлением статьи о Достоевском: «Я рассказал Софье Андреевне про фельетон в “Руси” “Сплетня о Достоевском”, где опровергается, что

Достоевский будто бы был безнравственной жизни, как недавно вспоминала Софья Андреевна, опираясь на письмо Н.Н. Страхова.

Л.Н. не знал, что такие вещи говорились о Достоевском:

– Нехорошо было со стороны Страхова» [Маковицкий, 1979, с. 133].

Часто имя Страхова вспоминалось Толстым в связи с серьезнейшими для него вопросами, такими как смысл жизни и смерть: «Н.Н. Страхов не хотел думать о смерти, боялся ее.

Софья отозвалась с другого стола:

– И Тургенев такой был, боялся ее» [Там же, с. 227].

Знакомство и переписка с Н.Н. Страховым оставили глубочайший след в жизни Л.Н. Толстого. Не только в сознании писателя, но и всей его семьи и ближайшего окружения Страхов оставил по себе память как умный собеседник, тихий, любезный и доброжелательный человек, верный друг и помощник. Своего рода «суммарную» характеристику Страхову Толстой дал в разговоре с сыном Ильей. Илья Львович Толстой свидетельствует в своих воспоминаниях, что одно время его отца часто посещал Владимир Соловьёв. Эти посещения всегда заканчивались ожесточенными спорами. Заканчивались эти посещения всегда одинаково: «Когда гости разъезжаются, отец выходит их провожать в переднюю, и, прощаясь с Соловьёвым, задерживает в своей руке его руку и, глядя ему в глаза с виноватой улыбкой, просит его не сердиться за его горячность.

И так всякий раз.

Соловьёв, как мыслитель, никогда не был близок моему отцу, и очень скоро он перестал его интересоваться совсем.

Отец считал его человеком “головным” и применял к нему эпитет “протоиереев сын”.

– Таких много, – говорил он. – “Протоиереев сын” – это человек, живущий исключительно тем, что ему дает книга. Начитается и делает из прочитанного выводы. А *своего собственного*, самого дорогого у него ничего нет. Есть и среди протоиереевых детей умные люди, как, например, Страхов, он был даже очень умен, и, если бы он думал от себя, он был бы велик, а вот в этом и было его несчастье, что он тоже был “протоиереев сын”.

Это определение я слышал от отца уже несколько лет после смерти обоих упомянутых выше лиц» [Толстой, 1987, с. 193].

Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов вели свой эпистолярный диалог почти четверть века. Среди эпистолярного наследия писателя его переписка со Страховым одна из самых больших по объему и занимает одно из самых значительных мест, включая сведения о разных сторонах жизни писателя: личной и творческой. Исключительное значение и содержание этой переписки, как и факт ее возникновения, были

обусловлены, в первую очередь, острой потребностью писателя в интеллектуально равном собеседнике и корреспонденте. Страхов полностью удовлетворял этому требованию, став также вскоре после знакомства верным помощником Толстого во многих творческих работах.

Письма обоих корреспондентов благодаря их содержанию составили подлинный эпистолярный роман. Эта переписка уже в 1870-е гг. превратилась в *интеллектуальный эпистолярный роман*, в котором за десятилетия сложилось много своего рода сюжетных линий. Одна из основных – сотрудничество Толстого и Страхова, всегда помогавшего писателю в его творческих работах. Эта же сюжетная линия включает в себя освещение творческой работы обоих корреспондентов.

В 1880-е гг. письма Страхова проникаются подлинной исповедальностью, что отражается и на характере этой переписки, приобретшей черты *исповедально-психологического интеллектуального эпистолярного романа*. Страхов часто сетует на редкие и небольшие, «формальные» корреспонденции Толстого. Возможно, это было связано с появлением в 1883 г. в окружении Толстого В.Г. Черткова, также ставшего близким другом писателя. Другие сюжетные линии этого эпистолярного романа связаны с иными постоянными темами переписки: личность и творчество современников, философские вопросы.

Наконец, особая сюжетная линия – личность и творчество Ф.М. Достоевского, переживание обоими корреспондентами его смерти, работа Страхова над биографией писателя.

Библиографический список / References

Аксаков, 2007 – И.С. Аксаков и Н.Н. Страхов. Переписка / Сост. М.И. Щербакова. Оттава, 2007. [I.S. Aksakov i N.N. Strahov. Perepiska [I.S. Aksakov and N.N. Strakhov. Correspondence]. M.I. Shcherbakova (ed.). Ottawa, 2007.]

Бурсов, 1974 – Бурсов Б.И. Личность Достоевского. Л., 1974. [Bursov B.I. Lichnost Dostoevskogo [Dostoevsky's personality]. Leningrad, 1974.]

Донсков, 2008 – Донсков А.А. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Эпистолярный диалог о жизни и литературе. Оттава, 2008. [Donskov A.A. L.N. Tolstoy i N.N. Strahov. Epistolarynyy dialog o zhizni i literature [Lev Tolstoy and Nikolai Strakhov. Epistolary dialogue about life and literature]. Ottawa, 2008.]

Маковицкий, 1979 – Маковицкий Д.П. У Толстого. 1904–1910. «Яснополянские записки». Книга третья. 1908–1909 (январь-июнь). М., 1979. [Makovickiy D.P. U Tolstogo. 1904–1910. «Yasnopolyanskies zapiski». Kniga tret'ya. 1908–1909 (yanvar'-iyun') [In Tolstoy. 1904–1910. "Yasnaya Polyana notes". Book three. 1908–1909 (January-June)]. Moscow, 1979.]

Переписка, 2003 – Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки / Сост. Л.Д. Громова и Т.Г. Никифорова, ред. А.А. Донсков. Оттава, 2003. [L.N. Tolstoy i N.N. Strahov. Polnoe sobranie perepiski [L.N. Tolstoy and

N.N. Strakhov. Full collection of correspondence]. L.D. Gromova, T.G. Nikiforova (comp.), A.A. Donskov (ed.). Ottawa, 2003.]

Страхов, 1870 – Страхов Н.Н. Женский вопрос // Заря. 1870. № 2. С. 107–149. [Strakhov N.N. Women's issue. *Zarya*. № 2. Pp. 107–149.]

Толстая, 2000 – Л.Н. Толстой и С.А. Толстая. Переписка с Н.Н. Страховым / Сост. Л.Д. Громова и Т.Г. Никифорова, ред. А.А. Донсков. Оттава, 2000. [L.N. Tolstoy i S.A. Tolstaya. *Perepiska s N.N. Strahovym* [L.N. Tolstoy and S.A. Tolstaya. Correspondence with N.N. Strakhov]. L.D. Gromova, T.G. Nikiforova (comp.), A.A. Donskov (ed.). Ottawa, 2000.]

Толстовский Музей, 1911 – Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой. 1857–1903 / Толстовский Музей. Т. I. СПб., 1911. [Perepiska L.N. Tolstogo s gr. A.A. Tolstoy. 1857–1903 [Correspondence L.N. Tolstoy with Countess A.A. Tolstaya. 1857–1903]. Tolstoy Museum (ed.). Vol. I. St. Petersburg, 1911.]

Толстовский Музей, 1914 – Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. С предисл. и прим. Б.Л. Модзалевского / Толстовский Музей. Т. II. СПб., 1914. [Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strahovym. 1870–1894. S predisl. i prim. B.L. Modzalevskogo [Correspondence L.N. Tolstoy with N.N. Strakhov. 1870–1894. Foreword and approx. B.L. Modzalevsky]. Tolstoy Museum (ed.). Vol. II. St. Petersburg, 1914.]

Толстой – Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.-Л., 1928–1958. [Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: in 90 volumes]. Moscow-Leningrad, 1928–1958.]

Толстой, 1984 – Толстой С.Л. Николай Николаевич Страхов // Яснополянский сборник. 1982. Статьи. Материалы. Публикации. Тула, 1984. [Tolstoy S.L. Nikolai Strakhov. *Yasnopolyanskiy sbornik. 1982. Stat'i. Materialy. Publikacii.* Tula, 1984.]

Толстой, 1987 – Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1987. [Tolstoy I.L. *Moi vospominaniya* [My memories]. Moscow, 1987.]

Статья поступила в редакцию 1.06.2018

The article was received on 1.06.2018

Николаева Евгения Васильевна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Nikolaeva Evgenia V. – Dr. Phil. Hab.; Professor at the Department of Russian Literature of the Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: nikolatva.ev.vas@yandex.ru